

Шарапкина Анастасия Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
warapkova@mail.ru

Отклонение от прямоты морали в ключевых концептуальных метафорах XV–XVII вв.: от религии к философии (корпусный и когнитивный анализ)*

Для цитирования: Шарапкина А. А. Отклонение от прямоты морали в ключевых концептуальных метафорах XV–XVII вв.: от религии к философии (корпусный и когнитивный анализ). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (2): 478–507. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.213>

В данной статье рассматривается динамика вербализации представлений об отклонении от морально одобряемого поведения на примере анализа концептуальной метафоры отклонения от прямоты / прямой линии. Базовой метафорой для описания морали является прямая горизонтальная или вертикальная линия, а нарушение морали может быть представлено посредством отклонения от нее. Однако лингвистического анализа широкого исторического материала и вербализации развития представлений о морали и моральной ответственности на английском языке ранее не проводилось. Для анализа были выбраны лексемы *pravity* и *obliquity*, сочетаемость, семантика и метафоричность которых были рассмотрены на обширном корпусе текстов XV–XVII вв. с использованием Google Books и English Historical Book Collection (всего 1758 контекстов). Актуальность данного исследования обусловлена значимостью изучения переходных периодов изменения дискурсивных стратегий описания морали, а также изучением становления отдельных типов дискурса. Цель статьи — показать, каким образом религиозный дискурс оказал влияние на философский дискурс не только на уровне затрагиваемых тем, касающихся морали, моральной ответственности и справедливости осуждения, но и на уровне языка. Особенностью исследовательского подхода является соединение методов корпусной и когнитивной лингвистики, в частности изучения метафоры. Для проверки выдвинутых гипотез и выявления степени корреляции между значением, реализуемым в каждом контексте, и типом дискурса был проведен статистический анализ методом «основная линейная модель» (general linear model (GLM)). Результаты исследования показывают идеологическую, дискурсивную, метафорическую и терминологическую преемственность между религиозным и философским дискурсами.

Ключевые слова: мораль, концептуальная метафора, корпусный анализ, квантитативные методы, философский и религиозный дискурсы.

* Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

*Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Странным светится огнем.
(А. Тарковский)*

Введение

Феномен морали является многомерным ментальным конструктом, подверженным изменениям в историческом пространстве. С одной стороны он ориентирован на практическое регулирование взаимодействий между индивидуумами в обществе, с другой — в результате философского осмысления действительности обычно формируется система непротиворечивых правил и предписаний. Согласно классическому определению, «мораль — форма сознания, внутренне усвоенный кодекс поведения» [Философский словарь: 270]. Моральные нормы представляют собой «структуры ожиданий и долженствований для координации внутри группы»¹ [Voorhees et al. 2018: 32] или, как полагают некоторые антропологи, мораль есть «адаптивная групповая идеология» в культурной эволюции человека [Campbell 1991: 91].

Моральные нормы обладают большой вариативностью в плане языкового выражения, а изменения в их понимании отражают трансформирующееся мировоззрение определенных временных периодов. При этом лингвистическое изучение вербализации представлений о феномене морали часто ограничивается современным временным срезом [Lakoff 1996; Kövecses 2005; White 1997] и не учитывает высокую вариативность языковых средств и развития представлений о морали в диахронии.

Феномен морали — настолько сложно сконструированный ментальный конструкт, что его вербализация обычно происходит опосредованно-метафорически [Denham 2000: 1–4] или апофатически — через отрицание. Часто мораль вербализуется при помощи разнообразных метафорических моделей большей или меньшей сложности, которые могут формировать напряженные контрастные пары, построенные на едином образе, — что может представлять собой мораль или ее противоположность. Такая ингерентная метафоричность представлений о морали неудивительна — ведь «метафора не ограничивается одной лишь сферой языка: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Лаккофф 1990: 389].

С течением времени метафорические модели могут трансформироваться, усложняться, соединяться; при этом обсуждение вопросов морали может затрагивать обыденный, религиозный, философский, художественный и другие типы дискурса, в которых наблюдается взаимопроникновение или пересечение представлений о морали. Выделяется также отдельный тип дискурса — моральный дискурс, который «выражает регулирование поведения человека во всех сферах общественной жизни» [Звада, Позняк 2016: 177]. Изучение переходных периодов, когда дискурсивные стратегии описания морали изменяются, является особо актуальным в настоящее время.

¹ Здесь и далее перевод примеров и цитат из научной литературы наш, если не указано иное.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить динамику вербализации представлений о нарушениях морали в XV–XVII вв. — периоде перехода от религиозных представлений к веку Просвещения и зарождения философского осмысления этических проблем и формирования собственно философского научного языка. В контексте зарождения научного философского языка как отдельного типа дискурса влияние религиозных представлений и собственно религиозного дискурса может быть высоким. Хотя язык философии оперирует абстрактными понятиями, он заимствует, переосмысляет и проблематизирует те понятия, которые могли существовать и в других типах дискурса, а также может опираться на предшествующие дискурсивные традиции, особенно в области обсуждения таких сложных конструктов, как мораль и моральная ответственность. При этом работ, которые прослеживали бы это влияние на лингвистическом уровне в тесной взаимосвязи с социокультурным контекстом, недостаточно.

Особое внимание в нашем исследовании уделяется именно метафоричности рассматриваемых контекстов и построению метафорических моделей. Внимание к метафорическим моделям обусловлено теоретическими предпосылками и изучаемым историческим контекстом. В первую очередь это положения когнитивной теории метафоры (Conceptual Metaphor Theory) [Lakoff, Johnson 2008], где ее роль возводится до способа мышления, а не только риторического приема. Концептуальная метафора играет важную роль в категоризации явлений окружающего мира, где происходит «осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания — концептов» [Болдырев 2010: 45]. При таком подходе метафора понимается как способ познания, оценки и объяснения мира, а также организация механизма формирования ментальных структур через их категоризацию и концептуализацию. В когнитивной теории метафоры традиционные представления о конвенциональной «мертвой» метафоре и метафоре как тропе в изучении художественных/поэтических текстов потенциально непротиворечивы, поскольку основаны на принципиально изоморфных когнитивных механизмах и неизменяющихся свойствах языковых средств: метафорический перенос (metaphorical mapping) осуществляется в целевую область (target domain) из «области источника» (source domain), но фокус не на языковых, а на ментальных структурах.

Что касается исторического контекста, то метафора играла особую роль в контексте новоанглийского образования. В частности, грамотному использованию метафоры как риторическому приему обучали во многих учебных заведениях, а работа «A Treatise of Schemes and Tropes» использовалась для обучения риторике как в религиозных, так и в секулярных учреждениях в XVI–XVII вв.: «Речь чудесным образом обогащается, когда меткие метафоры используются и применяются к делу. Никто не сможет эффективно убеждать и завоевывать людей весом своей речи без помощи слов, измененных и переведенных» [Sherry 1550: IV].

Новизну предпринятого исследования составляют несколько факторов. Во-первых, поставленная задача изучения метафорических моделей морали с точки зрения когнитивной теории метафоры и выбранный материал исследования — обширный корпус текстов XV–XVII. Во-вторых, выявление когнитивных оснований описания отсутствия морали и большая выборка позволяют нам проверить гипотезу о влиянии религиозного дискурса на философский статистическими методами.

Прежде чем перейти к обсуждению и собственно анализу примеров, необходимо рассмотреть наиболее характерные метафорические модели описания морали а также их культурные и исторические корни.

Ключевые метафорические модели морали

Метафорические модели осмысления морали уходят корнями вглубь эпох. Наиболее архаичным являются два ключевых метафорических переноса: от физической чистоты/порядка к морально правильному поведению [Lizardo 2012: 367, 385] или от прямоты в виде горизонтальной или вертикальной линии к характеристике достойного поведения. Мораль в понимании чистоты или порядка восходит к антропологическому примитиву «определения грязи как неуместной материи» и, соответственно, физического порядка как источника морали [Douglas 1966: 36].

Базовой образной схемой описания морали является прямота. Представление о прямоте находит отражение во многих индоевропейских языках и словах, так или иначе восходящих к латинскому *rectus*: «Прямое в системе понятий нравственности противопоставлено искривленному, кривому, и, так как прямое отождествляется со справедливостью и достоинством, противоположное ему кривое отождествляется с обманом, ложью и т. п.» [Бенвенист 1995: 252]. Идея о прямой, т. е. правильной линии или вертикальной позе привела к единому пространству идей, связанных со следующими словами: *rectitude, rightness, straightness, uprightness* [Rimell 2017: 768]. Представление об *upright man* — морально правильном человеке — не просто частотная метафора, которая встречается в средневековых текстах, «согласующаяся с вертикальной осью, функционирующей в соответствии с принципом и нормой этической позиции» человека, но и обусловленный исторически культурно-значимый образ, являющийся основой парадигмы западной религии и философии [Cavarego 2016: 6, 129]. Св. Августин пишет об «истинном и **прямом** пути» Бога [Августин 1905]. Ср. также в православной (византийской) традиции возглас диакона «Σοφία! Ὁρθοί», «Премудрость, прости», где Ὁρθοί происходило от протоиндоевропейского *h₃erd^h, что обозначало прямой, прямостоящий, а также правильный, истинный. А «прости» — простой, т. е. этимологически «прямо стоящий» или «стоящий впереди», противопоставленный лукавому от *loka* ‘кривизна’².

Можно предположить, что такой образ характерен не только для языков индоевропейской группы, но распространен намного шире. Так, например, в арабском языке существует лексико-семантическое поле, относящиеся одновременно к обозначению прямой дороги и морально одобряемому поведению. В китайском есть иероглиф, обозначающий и прямую линию, и морально одобряемое поведение [Pacilli et al. 2018]. Интересно, что бинарная метафорическая модель *прямой vs непрямой* встречается в языке осуждений и одобрений как в английской, так и в китайской культуре [Yu 2015; Yu et al. 2016], что потенциально указывает на некую кросс-культурную универсальность данного образной пары «прямой — искривленный».

При этом высока вариативность вербализации данных представлений в языке в каждом из исторических периодов, где каждая лексема может добавлять в понимание феномена морали. Это понимание дихотомии некой «незыблемости vs вари-

² Этимологические онлайн-словари русского языка. <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения: 15.12.2023).

ативности» рассматривалось в контексте «скрытой памяти» слова, которая может быть связана с проблемой «автономного существования смысловой языковой универсалии, которая с годами или даже веками хотя и меняет свою языковую “упаковку”, но остается в пределах тех же содержательных “потребностей”» [Николаева 2002: 38]. Очень точно эту социокультурную преемственность описал М. М. Бахтин: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда социального общения... слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [Бахтин 2000: 99].

Существуют работы, рассматривавшие представления о морали на современном языковом материале. Так, Дж. Лакофф [Lakoff 1996] показал, что американский политический дискурс XX в. основан на двух широко распространенных концептуальных метафорах: МОРАЛЬ КАК СИЛА и МОРАЛЬ КАК ПИТАНИЕ. Первую из данных метафор З. Ковечеш объяснил следующим образом:

Согласно этой метафорической системе морали, зло может воздействовать на изначально прямого/честного человека (*an upright person*), который может либо пасть (*fall*) (и стать плохим), либо остаться прямым (*remain upright*) (т. е. остаться добрым). <...> Таким образом, с этой точки зрения моральная «сила» основывается на понятии физической силы [Kövecses 2005: 152].

Важно, что представление о силе в самом тексте приведенной цитаты увязывается с *прямотой*, что также указывает на необходимость разложения комплексных метафорических моделей на возможно более простые конструкции или исходно более древние модели. М. Джонсон [1996] выделил четыре основные метафорические напряженные пары оппозиций, использующиеся при описании морали: БОГАТСТВО — БЕДНОСТЬ, ЗДОРОВЬЕ — БОЛЕЗНЬ, ПРЯМОТА — НАРУШЕНИЕ ПРЯМОТЫ, ПОРЯДОК — БЕСПОРЯДОК, СВЕТ — ТЬМА. Все данные модели могут использоваться как по отдельности, так и вместе.

В английском языке новоанглийского периода XV–XVII вв. мораль представлена в первую очередь посредством метафоры прямоты. Наиболее общей лексемой для описания правильного поведения с точки зрения морали является *rectitude*, она связана с религиозным дискурсом и далее на определенный период переходит в терминологию описания морали в философии [Шарапкина, Манерко 2022: 92–120]. Прежде чем перейти к собственно философскому дискурсу, вопросы морали и этики обсуждались в литературе религиозного и юридического характера. Как справедливо отмечает Р. Г. Апресян*, «строго философское понятие морали только складывается на протяжении Нового времени» [Апресян 2006: 151]. То, что в русском переводе Дж. Локка, например,

дано словом «нравственность» и производными от него, нередко в английском оригинале обозначено как *rectitude* ('прямота, правота, правильность'), восходящее к латинскому *rectitudo* ('прямота') от *rectus* ('прямой'). «Rectitude» переводится также и как «правильность» и «справедливость», причем словом «правильность» переводится «rectitude» как таковое, а словом 'справедливость' — словосочетание «moral rectitude» [Апресян 2006: 151].

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

Более того, «базовые концепты философских текстов и целых направлений всегда укоренены в систему языковых значений и обусловлены типом культуры» [Галиева, Нагуманова 2016: 41].

Использование метафорических моделей для описания морали определяется тем, что метафора в целом часто выполняет этико-эмоциональную функцию, составляя ценностные ориентиры и определяя формирование картины мира в человеческом сознании.

Методология и материал исследования

В данном исследовании были проанализированы существительные *pravity* в значении: 'immoral', 'human nature', 'corruption' и *obliquity* в значении 'immoral', 'human nature', 'corruption', 'corruption of logic' [OED]. Материалом для рассмотрения послужил корпус электронных текстов English Historical Book Collection (ЕЕВО, ЕССО, Evans)³ (далее — ЕНВС), включающий разнообразные работы, опубликованные в период с 1500 по 1700 г., а также примеры из Google Books, собранные вручную.

Для удобства работы с примерами корпуса ЕНВС использовался корпусный менеджер Sketch Engine, в рамках которого созданы условия для управления корпусом, создания собственных корпусов текстов и дальнейшей обработки сочетаемости единиц в составе конструкций, а также рассмотрения заданных временных периодов [Rychlý 2008; Захаров, Хохлова 2014].

В работе использовалась комплексная методика, которая включает анализ этимологии лексем, их сочетаемости с другими единицами и семантический анализ. Все собранные примеры анализировались на основе выделения типа значения, реализуемого в контексте, а также типа дискурса (religious, law, science, general, philosophical), в котором употреблена искомая лексическая единица. Здесь важно сделать несколько замечаний относительно выбранной методологии и проведенной классификации. Первое касается собственно обработки материала: чтобы исходная гипотеза о влиянии религиозного дискурса на философский не оказывала влияния на проводимый анализ, все контексты были перемешаны в таблице Excel, загруженной из Sketch Engine, где указание на год каждого примера было скрыто до окончания анализа. Второе касается самого материала и его распределения по типам дискурса. Период Просвещения и перехода к Новому времени представляет собой время, когда один и тот же автор не только мог писать работы по библеистике и одновременно труды по физике (как, например, Ньютон), но и сочетать это в одном произведении. Это был период синкретизма и недостаточной выкристаллизованности как типов дискурса, так и типов знания: «В научной литературе Просвещения дисциплины и проблемные поля, которые для нововременного научного мышления представляются радикально несоизмеримыми и лежащими в разных плоскостях, образуют непрерывный континуум» [Соколов 2011: 3]. Иными словами, человек того времени не видел значимого и неразрешимого противоречия между богословием и математическим трактатом или между герметической алхимией и историографией. Как отмечает П. В. Соколов, речь идет об априорном знании, т. е. «онтологическом a priori новоевропейской картины мира, рождающегося из лона

³ Далее примеры из корпуса приводятся с указанием года и номера документа.

языкового и методологического синкретизма раннего Нового времени» [Соколов 2011: 4]. Поэтому в нашем анализе при отнесении того или иного контекста к тому или иному типу дискурса (общий, религиозный, философский, научный и юридический) мы опирались прежде всего на содержание того или иного примера, а также на ближайший контекст (два-три абзаца до и после) и название работы, которое можно получить в Sketch Engine.

Все контексты были классифицированы по наличию/отсутствию метафоры. Поскольку в нашем материале мы имели дело со словами *pravity* и *obliquity*, значения которых изначально построены на концептуальной метафоре, и, вероятнее всего, в XVI–XVII вв. данные слова уже не воспринимались как собственно метафоры, то метафорическим считался контекст, где данная метафора получала дополнительную языковую реализацию. Например, могло использоваться сравнение с прямой линией или употреблялись другие слова, использованные метафорически. Подобная совокупность методов позволяет выполнить поставленную исследовательскую задачу, а электронные источники, подвергнутые анализу, включают 1758 контекстов, что позволило провести статистическую обработку проанализированных данных и показать значимые корреляции между значением, типом дискурса и метафоричностью контекстов.

Для поиска статистических связей между значениями *obliquity/pravity* и типом дискурса была использована основная линейная модель (General Linear Model, GLM). Модель позволяет количественно сопоставить силу предсказательных эффектов типов дискурса на выбранные для анализа значения и оценить вклад эффектов в общей генерализованной модели. Поиск статистических корреляций не чувствителен к типу математического распределения частот параметров; ошибки средних и остатков были рассчитаны по T-статистике (подробнее о методе см.: [McCullagh 2019]). Расчеты проводились в программном пакете Statsoft v.10 [Hill, Lewicki 2006], уровень значимости был назначен $p < 0,05$.

Многообразие лексических единиц, указывающих на нарушение принципов морали или их отсутствие

Основой для анализа послужили слова, описывающие феномен морали в тексте Локка [Шарапкина, Манерко 2022]. Ранее мы обратили внимание на то, что в анализируемых отрывках достаточно много слов с противоположным значением, которые выступают контекстуальными антонимами для описания поведения, противоречащего нормам морали. Таких слов оказалось достаточно много, что говорит о широком спектре описания того, что считается аморальным, простирающимся за рамки того, что является морально приемлемым поведением. Данное наблюдение вполне коррелирует с исследованиями в области психологии, где было показано, что негативные события обставляют более значимый след, чем позитивные [Baumeister et al. 2001: 362], что приводит к негативной асимметрии эмоций [Горбатков 2008: 135], а также большей конкретности описания отрицательных эмоций [Веккер 1998: 267–269].

В издании [The Middle Way] фиксируется ряд наиболее характерных антиномий для данного периода: *Harmony and Discord, Order and Disorder, Conformity and Disconformity, Rectitude and Obliquity, Righteousness and Unrighteousness*.

Согласно данным корпуса ЕНВС, для описания антитезы морали использовались следующие лексемы: *pravity*, *depravity*, *obliquity*, *crookedness*, *corruption*, *malignity*, *pollution*, *transgression*, которые часто встречаются в одних и тех же контекстах и направлены на усиление воздействия на читателя. Практически все данные существительные этимологически указывают на нарушения физической прямоты и легко используются метафорически. При этом слова *pravity*, *depravity*, *corruption* обозначают общее нарушение прямоты, *obliquity* — отклонение от прямой линии по эллипсису, *transgression* — выход за пределы очерченных границ (рис. 1). Исключение составляет только слово *pollution*, имеющее прямое отношение к архаическому образу морали как чистоты, поскольку оно было связано с протоиндоевропейским **leu-* ‘dirt; make dirty’ [Etymonline]. На основе данных Google Ngram viewer можно предположить, что наиболее широким значением среди данного списка единиц обладало существительное *corruption*, поскольку оно было наиболее частотным в первой половине XVII в. Согласно словарю, первое значение его физическое, связанное с нарушением целостности объекта. Второе значение связано с моралью: «a making or becoming morally corrupt, the fact or condition of being corrupt, moral deterioration or decay, depravity» [OED], — и заимствовано в английский язык оно было через французский язык в XII в. из латыни, где употреблялось в теологических трактатах.

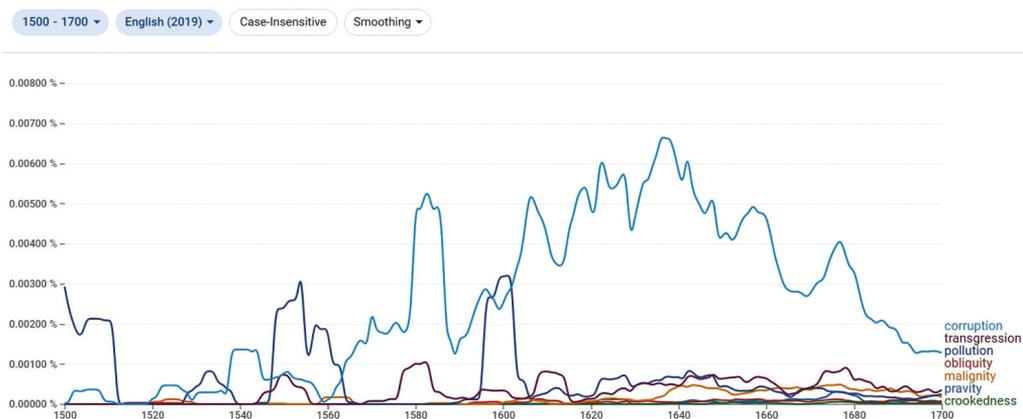
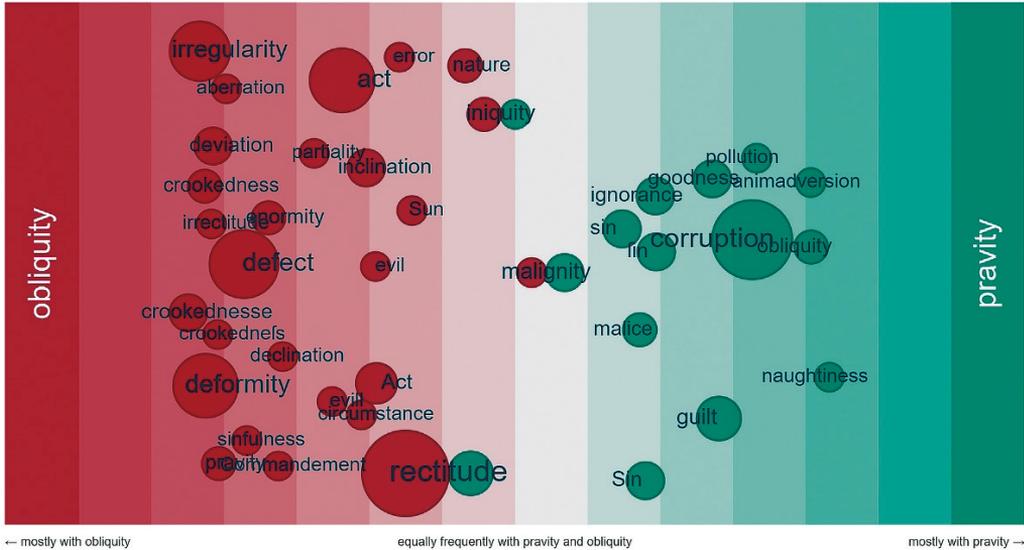

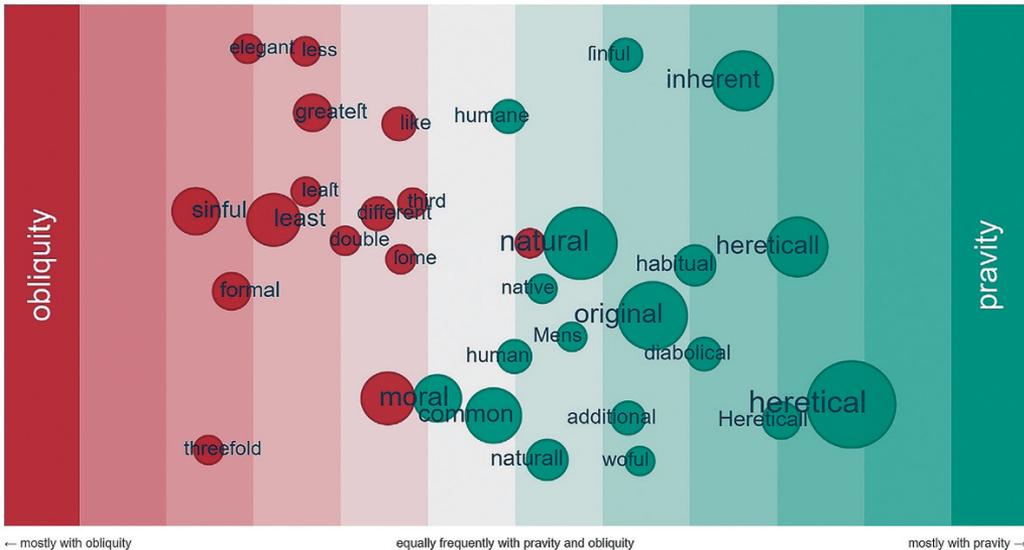
Рис. 1. Сравнение частотности употребления слов, описывающих осуждаемое поведение, в английском языке в XV–XVII вв., по данным Google Ngram viewer

В настоящей работе мы рассмотрим развитие семантики двух существительных — *pravity* и *obliquity*, поскольку именно они употреблялись в текстах философского характера и обладали особым потенциалом перехода в сферу этической терминологии. Также, согласно данным ЕНВС, именно эти существительные контекстуально находятся в оппозиции к лексеме *rectitude*, использованной Локком для описания морали. Согласно данным Google Ngram viewer, *pravity* частотно сочетается с *natural*, *inherent*, *inward* и *heretical*, его фактический заимствованный морфологический дублет *depravity* сочетается с *total*, *human*, *horrible* и *national*, в то время как *obliquity* чаще употребляется с прилагательным *moral*. По корпусу ЕНВС для *pravity* контекстуальными синонимами являются *corruption*, *ignorance*, *naughtiness*, *guilt*, *sin*, а для *obliquity* это *crookedness*, *irrectitude*, *aberration*, *deformity*, *sinfulness*,

inclination, evil, irregularity. Очевидно, что *depravity* обладает явным негативным оттенком значения и сочетается с *wickedness, imbecility, degeneracy*, а также с прилагательными *incurable, total, universal*. Объединяются они также через употребление в сочетаниях с *rectitude, malignity, pollution, moral u natural* (рис. 2). На визуализации близость к центру обозначает вероятность встречаемости данных сочетаний и искомыми словами, т. е. зона пересечения, а размер кругов — частотность (i. p. m.). Верхняя визуализация обозначает существительные, нижняя — прилагательные.

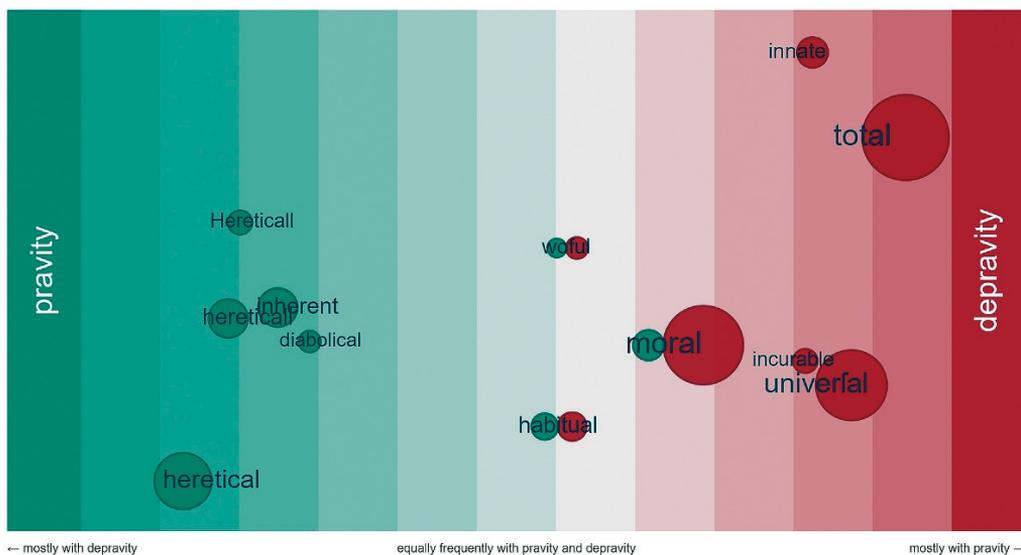
а

б

6

visualization by SKETCH ENGINE

2

Рис. 2. Сравнительный анализ наиболее характерных сочетаний с существительными *pravity* и *obliquity*, а также *pravity* и *depravity*, согласно English Historical Book Collection

Рассмотрим подробнее развитие семантики искомым существительных и метафорические модели, которые реализуются в контекстах с *pravity* и *obliquity*.

Pravity и его основные метафорические модели

Существительное *pravity* произошло от латинского *pravitas* ‘crookedness, distortion, deformity; impropriety, perverseness’, которое происходило от *pravus* ‘wrong, bad’, которое до этого обладало значением, которое дословно обозначает ‘crooked’ (‘кривой’) и относится словарем к единицам с неизвестной этимологией [Etymonline]. Таким образом, в основе значения лежит физическое представление о нарушении прямоты. В 1540–1550-е гг. это слово вошло в английский язык также в значении ‘moral perversion or corruption; wickedness, viciousness, depravity’ [OED]. Согласно данным Google Ngram viewer, это существительное наиболее частотно употреблялось в 1670–1680 гг. одновременно с другими искомыми словами.

Следует также отметить, что латинское *pravus* также контекстуально противопоставлялось *rectus* (*rectitude*), что входит в когорту слов указания на прямолинейность, а *pravitas* встречалось в контекстах, рассуждающих о правильности в аспектах юридического закона и христианской морали.

Примеры, приведенные в «Оксфордском словаре», указывают в целом на религиозный контекст бытования данного существительного. Наиболее ранний пример 1550 г. находим в работах Дж. Хупера — протестантского епископа Глостера и Вустера, где порочность или даже зло заключены в сердце как центре духовной жизни человека: *To go after the prauitye and euylnes of oure owne hartes* [OED]. В комментариях к Библии исходная метафора физического нарушения или отсутствия гармонии и порядка поддерживается на уровне контекста и далее связывается с нарушением Божественного закона: *The latter vvhwhereof, is that deformity or irregularity, as they call it, vnlawfulness, transgression, pravity, that in every such action is contained. Sinne is any thing spoken, coveted, or done against the everlasting lawe* (ЕНВС, 1599, 65227056). В большинстве контекстов метафора нарушения физической прямоты поддерживается лексемами близкой семантики — *deformity* ‘деформация’, *irregularity* ‘неровность’, *bent* ‘изгиб’, *inclination* ‘наклон’, *deviation* ‘отклонение’. Представление о порядке связано с пониманием физической правильности объекта, имеющего форму, регулярность и границы, поэтому моральные нарушения выражаются или регистрируются с помощью указания на нарушение физической формы. В значительной части изученных контекстов метафора искривления или нарушения присутствует имплицитно, т. е. является концептуальной метафорой или стертой метафорой в языковом плане. Достаточно многочисленны, однако, и примеры, где она намеренно раскрывается посредством слов, детализирующих физическое нарушение и усиливающих исходную метафору, которые мы считали собственно метафорическими при проводимом анализе: ... *it is the bent or byas of our new nature* (ЕНВС, 1671, 286393181); *The form of the sin lieth in its pravity or deviation from the Rule: So far Unbelief is condemned by the Law* (ЕНВС, 1655, 280206398).

В другом примере предлагается классификация нарушений морали. Именно там мы находим другое важное слово для описания противоположного морали поведения — *corruption* ‘испорченность, искажение’: *Original pravity is called corruption* [OED]. *Corruption* в данном значении появился через французскую лексему *corruption* из теологических текстов на латыни *corrumpere* ‘to corrupt’, ср.: *The destruction or spoiling of anything, esp. by disintegration or by decomposition with its attendant unwholesomeness; and loathsomeness* [OED]. Похожий пример можно найти в сборнике

«The Whole Works» ирландского англиканского архиепископа Дж. Ашера под редакцией Ч. Р. Элрингтона, где поднимается вопрос о свободе человека и нарушении его воли, происходящей от первородного греха: ...*grace not taking away the liberty, which cometh by God's creation, but the **pravity of the will**, which ariseth from **man's corruption*** [Ussher 1625].

На связь данного существительного с религиозным дискурсом указывает и следующий пример из работы «Юрисдикция королевская, епископальная, папская» Дж. Карлтона — епископа Лландаффа: ...*would haue imputed **hereticall pravity** to the Councell* [Carleton 1610]. Сочетание *heretical pravity* встречается особенно часто в период с 1610 по 1640 г., согласно Google Books.

Также встречалось и использование данного существительного в широком значении нарушения правильного порядка вещей, как то: нарушение логичности или правильности суждений, поведения или даже качества пищи: *We judge of the **goodnesse and pravity** of meates and drinkes, from the condition Galen writ de Alimentorum facultatibus* (ЕНВС, 1634, 107756538). В работах по медицине начала XVII в. уделялось большое внимание правильному приготовлению пищи. Так, например, давались рекомендации по использованию лука или чеснока или обеззараживанию воды вином: *this is a good Remedy for the **pravity** of Waters also against the Plague and venomous Air* (ЕНВС, 1671, 268151182).

Определенное взаимопроникновение терминов и метафор дискурса медицины и теологии было характерно для XVI в. Так, достаточно ранняя метафора Христа как целителя — *coelestis medicatrix* ('Christ as a physician') широко распространилась именно в Новое время и обозначала целителя души [Harley 1993: 400]. Священнослужители также сравнивались с хирургами, аптекарями или лекарями души, что в целом характерно для многих культур. Другой характерной метафорой для текстов проповедей являлось представление о грехе как о болезни, которой человек заразился, совершив первородный грех, и от которой может излечиться только у лекарей души. Иными словами, первородный грех Адама пробил брешь в «оболочке» души, сделав ее уязвимой для проникновения греха. Воскресение Христово возвращает возможность целостности души через Евхаристию, которую совершают священнослужители, и потому они поставлены лекарями души. При этом примерами болезней служили известные тогда заболевания — чума и лепра: 1) «Sin was seen as spreading like leprosy, contaminating people and places, and original sin “like a generall leprosie deforms the ancient beauty of our nature”»; 2) «heresy as it were of a contagious plague or leprosy» [Harley 1993: 407–408].

Именно такой культурно-исторический контекст определяет примеры, где могут соединяться метафора нарушения прямоты и болезни. Физическое и моральное отклонение может приводить к болезни в самом широком смысле — болезни всего мира. В частности, когда речь идет о дьяволопоклонстве, то оно описывается и как вселенское нарушение правильности большого мира: *Devilisms is the univerfal **pravity** of the **malignant** World* (ЕНВС, 1685, 287456721).

Также оно могло встречаться и в контексте общего осуждения таких вещей, как неподобающие танцы: *Eightly, this Dancing serves to no necessary use, no profitable, laudable, or pious end at all; it neither glorifies God, nor benefits men in soule, in body, in estate, or reputation: it issues onely from the imbred **pravity**, **vanity**, **wantonnesse**, **incontinency**, **pride**, **prophanesse**, or **madnesse of mens depraved natures**; and it serves onely to*

make provision for the flesh, to fulfill the lusts thereof (ЕНВС, 1633, 122854705). В данном трактате «Theater — England — Moral and ethical aspects — Early works to 1800» речь идет о театральных представлениях с танцами, где осуждаются излишние движения — кривляния, которые нарушают стройность и прямолинейность фигуры танцующего:

В-восьмых, пляска эта не служит никакой необходимой пользе, никакой выгодной, похвальной или благочестивой цели; она не прославляет Бога и не приносит пользы ни душе, ни телу, ни имуществу, ни репутации: она проистекает только из **врожденной порочности, тщеславия, распутства, невоздержанности, гордости, бесстыдства или безумия развращенной природы людей**; и служит только для того, чтобы удовлетворить плоть, исполнить ее похоти.

Описание искажения или нарушения человеческой природы посредством словосочетания *pravity of nature* также высокочастотно в XVII в., особенно в период 1630–1650-х гг. согласно данным Google Ngram viewer. Пример из Оксфордского словаря 1675 г.: *The Pelagians, who deny Original Sin, and acknowledge not the pravity of vitiated nature* [OED]. Степень отклонения может быть измеримой, что отражено в следующем примере: *The degree of Iniquity and pravity in every Sin* (1678) [OED]. Интересен и отрывок из работы известного английского священника Дж. Уилкинса, епископа Честера, «Рассуждение по поводу дара молитвы», где он пишет: *That he would remove from our understandings that veil of ignorance and infidelity, whereby we are made incapable of spiritual truths; that would take from our affections that natural pravity and malice, whereby we are made enemies, to spiritual notions, that we may receive the truth, not only in the light but in the love of it* [Wilkins 1655].

Причина нарушения морали, или испорченность человеческой природы, кроется в первородном грехе. Изначально человек (Адам) идеален, целостен и потому морален, а его потомки утратили это, став морально слабыми: ...*by reason of his moral impotency, and the pravity of his Nature derived from Adam* (ЕНВС, 1673, 261368214). При этом есть представление о вариативности или градуальности морального отклонения: *This impotency which is the moral pravity of the Will hath divers degrees* (ЕНВС, 1675, 281371909), — и о грехе как моральном нарушении: *And they that consider, that Mans Soul being made Holy, for God, this unholiness is not only a Negation but a Privation, not of Sensitive and Natural only, but of Moral Rectitude, will not deny but that the name of Sin or Moral Pravity belongeth to it* (ЕНВС, 1691, 284921119). Следующий пример Дж. Коллинджеса («Several Discourses Concerning the Actual Providence of God Divided Into Three Parts») напрямую указывает на то, что это нарушение происходит из человеческой природы, поддавшейся злу (вкусившей зло внутрь) при искушении дьяволом: *As to their pravity and natural corruption, that it not from God but from themselves, and from the Devil* [Collinges 1678]. Использование *pravity* в контексте обсуждения первородного греха, испортившего человеческую природу Адама, делает человека и всех потомков Адама виновными по природе своей: *We receive our Original Guilt and Pravity immediately from our next Parents, and but remotely from Adam: It could never have come to us but through them from whom we receive our Nature, from them we receive the guilt and pravity of our Nature* (ЕНВС, 1691, 284919902).

В корпусе изученных примеров метафора искривления, нарушения целостности или отсутствия прямоты дополняется другими метафорами. В первую оче-

редь, нарушение порядка, или исходного пространства, связано с концептуальной оппозицией «чистоты» vs «грязи» и вербализуется через лексемы описания грязи: *pollution, unclean, dirt*. Например, в контексте перечисления причин, почему танцевальные представления должны осуждаться, седьмой стоит причина отсутствия чистоты: *uncleanesse*.

Также это противопоставление «света» «тьме», где свет связывается с морально одобряемым поведением, а тьма, ассоциируется с моральным отклонением. «Light» vs «darkness» — это исходно физическая метафора, но биологически объяснимая. Свет дает возможность увидеть окружающую среду или предотвратить опасность, а тьма архетипически связана с опасностью.

Подобные примеры совмещения различных метафорических моделей немногочисленны и встречаются в основном во второй половине XVII в., что, возможно, указывает на постепенное стирание образности исходной физической метафоры и необходимости освежить или усложнить ее. Так, в одном из примеров *pravity of mind* приводит ко сну разума, который сложно пробудить или осветить слабым мерцающим светом Евангелия: *For the great mysteries of the Gospel could not be known by nature; and in things that could be known thereby, the light is but weak and glimmering, and not easily able to fix the heart therein, not so much for want of evidence in the object, as from the pravity of our mind, reason being laid asleep and all our faculties being sunk into the brutish life* (ЕНВС, 1679, 364392204). Интересна следующая закономерность. В религиозных контекстах *pravity* используется в словосочетании с *mind* — разумом, при этом сердце или разум нужно осветить, ибо и сердце и разум могут быть покрыты мраком: *What can be known of God, is manifested among them; and, their foolish heart is darkened; which is the fault of the Mahometans as well as them, because the pravity of their Understandings has corrupted their knowledge of God* (ЕНВС, 1698, 425478856). Тьма разума происходит от первородного греха (изначального искривления) и подсознательно стремится к познанию истины, воссоединению с Богом, т. е. требует освещения настоящим Светом: *The Darkness of the Mind, which is so corrupted by Original Pravity, that it cannot behold Heavenly Mysteries in their proper light, so as to acquiesce in the truth of them* (ЕНВС, 1674, 278586096).

Намного реже используется соединение нарушения физической прямооты с нечистотой: *Befides, this Uncleaness was a Legal Ceremony, not any impurity of Life, or pravity of Manners: for not he who had sinned, or committed any wickedness, was thereby unclean; but the Unclean were those who touched any dead Corpse, any Excrements, any person that had an Issue of Bloud, or the like* (ЕНВС, 1682, 407671174). Наконец, в религиозно-теологических контекстах добавляется метафора загрязнения: *But how much greater then should we account the Pravity, and Corruption of a Polluted Mind?* (ЕНВС, 1680, 352311871).

Для большей достоверности и интерпретируемости результатов мы обработали все контексты из ЕНВС (674 контекст) и классифицировали их согласно наиболее характерному значению, проявляющемуся в контексте: 'immoral', 'human nature', 'corruption'. Интересно, что наиболее частотным значением оказывается общее — 'corruption' (420 — 64,5%), а значения 'human nature' (127 — 19,5%) и 'immoral' (104 — 16%) менее частотны. Очевидно, что *pravity* было прочно связано именно с осмыслением природы человека, его морали и нравственности, что указывает на

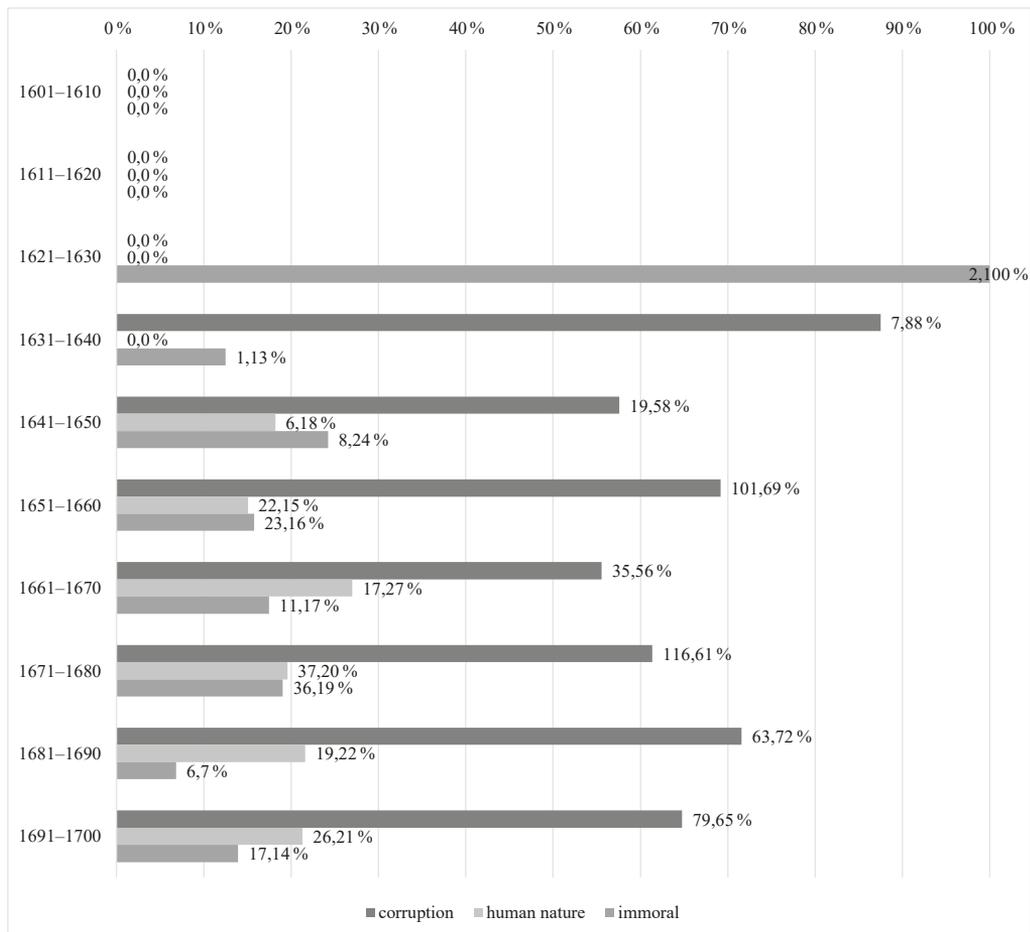

Рис. 3. Динамика значений *pravity* в корпусе English Historical Book Collection в XVII в. Над столбцами указаны общее количество контекстов и процент каждого из значений от общего количества контекстов в каждое десятилетие

попытки появления решения вопроса морали задолго до оформления философского дискурса (рис. 3).

Также мы классифицировали все примеры по типам дискурса — религиозному, общему, философскому, научному и юридическому. Как мы и предполагали, доминирующим типом дискурса выбранного периода становится религиозный (418 — 62,7%), однако интересно, что появляется условно обозначенный нами общий дискурс — «general» (122 — 18,1%), научный и юридический дали по 44 и 49 примеров (6,5 и 7,3% соответственно). Важно отметить, что появляется и чисто философский дискурс — это либо переводы и комментарии трудов античных авторов, либо рассуждения, лишённые ярко выраженной религиозной окраски (41 — 6,1%). Именно расширение сфер словоупотребления указывает на возможность расширения семантики исходного слова и перехода уже в собственно терминологию описания морали вне прямой связи с религиозным контекстом (рис. 4).

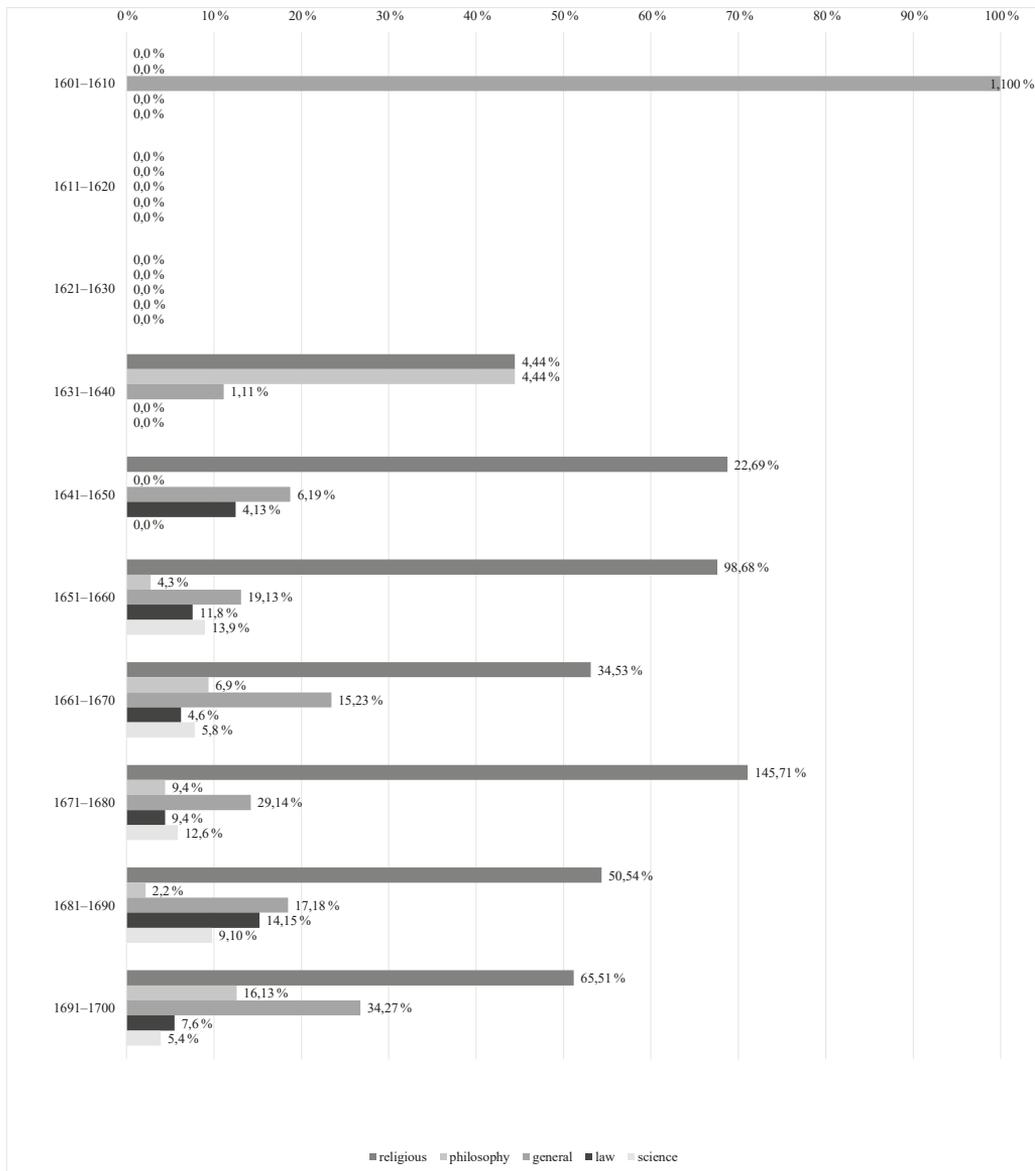

Рис. 4. Динамика типов дискурса, в которых используется *pravity*, в корпусе English Historical Book Collection в XII в. Над столбцами указаны общее количество контекстов и процент каждого из значений от общего количества контекстов в каждое десятилетие

Для проверки связей между значениями и типом дискурса в динамике мы использовали GLM. Данный метод подтвердил общую достоверность эффектов типа дискурса на используемые значения ($F = 24,0$, $p = 0,001$), однако показал заметный разброс смыслов (multiple $R = 0,38$, ошибки MS и SS остатков = 93,3 и 44,2, соответственно). Хуже других модель описывает использование смысла 'immoral' (таблица 1) — ошибка MS = 255,7 против средней 44,2. В общем и философском типах

Таблица 1. Статистические выкладки для эффектов типа дискурса на значения слов *pravity* и *obliquity*, полученные из GLM

Параметры		Эффекты типов дискурса*										MS (Residual)	
		1		2		3		4		5			
		T	p	T	p	T	p	T	p	T	p		
Pravity	'immoral'	1,79	0,015	1,97	0,0122	1,55	0,027	0,39	0,690	—	1,0	255,7	(186,7)
	'human nature'	2,55	0,012	2,93	0,009	2,13	0,018	0,60	0,552	—	1,0	790,0	(351,3)
	'corruption'	3,96	< 0,001	3,15	< 0,001	3,17	< 0,001	5,45	< 0,001	6,12	< 0,001	80,9	(9,1)
Obliquity	'immoral'	1,94	0,0136	2,11	0,022	1,92	0,0139	0,10	0,944	—	1,0	206,6	(116,3)
	'human nature'	2,90	0,011	1,54	0,032	2,29	0,028	—	1,0	—	1,0	845,1	(452,7)
	'corruption'	4,16	< 0,001	3,11	< 0,001	4,00	< 0,001	4,98	< 0,001	8,23	< 0,01	75,7	(5,9)
	'corruption of logic'	1,03	0,055	0,85	0,366	1,13	0,043	0,60	0,555	0,60	0,551	953,5	(950,8)

* Типы дискурса: 1 — общий, 2 — религиозный, 3 — философский, 4 — юридический, 5 — научный.

дискурса наблюдается довольно широкая трактовка значения, встречается много значений *pravity*. В юридическом и научном дискурсах наблюдается, наоборот, строгая трактовка: *pravity* используется только в значении 'corruption'. В религиозном дискурсе значимо чаще встречаются значения 'immoral', и чаще, чем в других случаях — значение 'human nature', что находит свое отражение в величине коэффициентов эффектов (см. табл. 1).

В основе осмысления морали и использования *pravity* лежит архаичная метафорическая модель ПРЯМОЙ vs ИСКРИВЛЕННЫЙ, поэтому собственно метафорических контекстов в выборке достаточно много — 133, то есть 1/3 часть. Данное число включает только те контексты, где использовалась не только искомая лексема, но и другие, имеющие значения нарушения физической прямоты, или когда данная метафора усложнялась другими. Иными словами, когда языковая метафора получала дополнительную метафоризацию. Типами дискурса, где было обнаружено больше всего метафорических контекстов, оказались религиозный и философский дискурсы, что отчасти доказывает их преобладание и взаимовлияние в изучаемом периоде. Также достаточно метафоричными оказались значения 'corruption' и 'human nature' как сами по себе, так и в сочетаемости друг с другом. Наименее метафоричными являются юридический и научный типы дискурса (табл. 2).

Концептуальная метафора физической прямоты и правильности продолжает развиваться в тексте философской работы Локка «Опыт о человеческом разумении» и используется в качестве антиномии к *rectitude*, имеющего в тексте терминологическое значение. Однако в тексте работы Локка «Опыт о человеческом разумении» *pravity* употребляется всего четыре раза и только в коллокации с *moral*, что указывает на композитный характер данного сочетания. Оно, так же, как и *rectitude*, используется в контексте оценки человеческих действий: *the moral pravity of the action*

Таблица 2. Распределение основных значений *pravity* по типам дискурса и метафоричность (процент от общего количества указан в скобках).

Значение (но.)	Тип дискурса (no. of ref.)						
	Общий (122)	Религиозный (432)	Религиозный + юридический (45)	Юридический (50)	Философский (43)	Научный (54)	Метафорические контексты %
'corruption' (427)	93 (16)	176 (37)	26 (2)	48 (7)	30 (8)	54 (4)	17,3
'human nature' (133)	13 (2)	112 (22)	4 (1)	1	3		19
'corruption + human nature' (55)	7 (1)	39 (12)	5 (1)		4 (1)		27,3
'immoral' (111)	8 (2)	92 (14)	6 (1)	1	4		15,3
'corruption + immoral' (18)	1	13 (1)	2 (1)		2		11,1
Метафорические контексты, %	17	20	13	14	21	7	

[Locke 2008: 335, 342]. Важно отметить, что данное словосочетание, по-видимому, не было особенно популярным в данный период в английском языке. Два других примера употребления находятся в религиозной литературе в 1673–1674 гг.

Obliquity и его основные метафорические модели

Перейдем к рассмотрению лексемы *obliquity*, ее семантики и лексического окружения в текстах XVII в. Слово было заимствовано в XV в. из старофранцузского *obliquité*, на основе употребленного в XIV в. латинского *obliquitas* 'slanting direction, obliquity', в значении 'направление в сторону, с наклоном, наклонность'. Первое значение в английском языке было связано с косоглазием у человека — 'state of being slanted or twisted; crookedness (of eyes)'. Достаточно быстро эта единица стала употребляться в переносном значении 'moral transgression' — моральное нарушение, проступок [OED]. Согласно данным Google Ngram viewer, оно наиболее частотно зафиксировано в первые десятилетия XVII в., до роста употребляемости *pravity* (рис. 1). Данное существительное обозначало некое отклонение от траектории прямой линии, движение по касательной, на что указывают примеры из «Оксфордского словаря английского языка», ср.: *A thyrdediuersitye is the obliquitie of the Horizonte (1551)* [OED]. Именно в этом значении оно употреблялось в научном дискурсе того времени, как видно в следующем примере, где дается определение прямого объекта: *Wherefore rectitude is propper unto a line. And therefore also obliquity or crookednesse, from whence a surface is judged to be right or oblique, and a body right or oblique* (ЕННС, 1636, 69284548).

Для целей настоящей работы нас интересует его переносное значение, которое использовалось для описания морали: 'divergence from moral rectitude, sound thinking, or right practice; moral or mental perversity or aberration; an instance of this, a

delinquency, a fault, an error' [OED]. При этом исходное физическое значение никуда не исчезает, но наоборот, часто переосмысливается в морально-этическом дискурсе XV в. в метафорическом ключе. В этом плане интересен пример из работы Т. Х. Тейла (Thomas Hoccleve. Tale of Jonathas) 1422 г., в котором вера сравнивается с круглым кольцом без изъянов: *By the ryng þat is rownd We shul vndirstande feith which is rownd, withouten **obliquitee** or **crookidnesse*** [OED]. В другом примере работы Г. Годфри (Goodman Godfrey) правда подобна прямой линии, что помогает высветить отклонение от нее: *Truth may serue as **a square or rule** both for it selfe and falshood, as **a right line** discovers the **obliquity** of the **crooked*** (ЕНВС, 1627, 35042058). В этом примере предполагается наличие некоего идеала, правила-линейки, с которой можно сравнивать другие действия. Грех же есть нарушение исходной прямоты, вертикальной линии внутри человека, обращенной к небесам: *...**a sincere and vpright heart, raysed and lifted vp into heauen and heauenly things. What is sinne else, but an obliquity, a deprivation or deprauation of that rectitude, and vprightnesse, which was originally*** (ЕНВС, 1625, 1165725). Метафора прямоты, даже намеренно подчеркиваемой прямой линии характерна для религиозного дискурса середины XVII в.: *saieth, there bee a number of things that seeme to bee straight, but **bring them to the rule**, and then wee may see **their obliquities**; so there bee a number of things that seeme to be straight and good, but lay them to the Rule, bring them to the Scriptures* (ЕНВС, 1632, 153407054); *Person, by whose wayes as by a right line they may both see the crookednesse, and at length begin to straiten the obliquity of their owne* (ЕНВС, 1631, 165029529).

Метафора сопровождается повторением слов, близких по значению: *there shall bee a rectitude in all your soules, that it shall be free from disorder, from distemper, from obliquity* (ЕНВС, 1633, 121937206). *Or should he Enterprize the Eviction and Expulsion of the **ataxie** or **obliquity** of them, whilst that God himself keepeth the Entity of them in possession, and in actual Operation?* (ЕНВС, 1679, 562578103). Данное существительное используется в описании греха в религиозном дискурсе середины XVII в., дополненное и другими существительными близкой семантики, и даже на основе исходной концептуальной метафоры отклонения/искривления: *I must first say that **fin** is a **privation, an obliquity, no effect, but a defect*** [Capel 1636]. В тексте присутствует слово *privation*, которое указывает на лишение или потери собственности в случае греха.

Намного реже происходит соединение метафор, связанных с нарушением прямоты, с метафорами отсутствия чистоты и света. Встречаются контексты, где чистый глаз (*the clearest eye*) замечает правильное или неправильное, христианство освещает (*enlightens*) путь: *wickednesse, drunkennesse, impudence, lewdnesse, and disorder that **grosse uncleannesse, that exorbitant obiquity, that stupendious degeneracy in life, apparel, speech, gesture, haire, complements, and the intire man?*** (ЕНВС, 1633, 122962338); *faculties, the fountains of moral actions; enlightens the Understanding with saving Knowledge, **rectifies the obliquity** of the Will, **purifies the Affections**, and reforms the Life, so that the same mind is in Christians as was in Christ* (ЕНВС, 1683, 278791357).

Так же, как и *pravity*, состояние, описываемое *obliquity*, подвержено измерению и градуальности, на что указывает значение 1649 г.: *Degrees of inordination or **obliquity of intention*** [OED].

Следует заметить, что это слово употребляется в работе «Семь проповедей, прочитанных по разным поводам» Дж. Стоутона, наставника кембриджского философа Дж. И. Кадворта. В данном отрывке речь идет о том, что излишество и есть

основа любого порока или отклонения: *The object; for every kinde of vice or vertue receives its species from the Object: now the Object is riches, the **obliquity** of it is by way of excesse, as the **obliquity** of the soule in matters of pleasure is lust or wantonnesse, in matters of honour is pride or ambition: Covetousnesse is the **obliquity** which is in respect of riches and wordly goods, that is, when we are carried towards them inordinately, aiming at more than is competent* [Stoughton 1640].

Данное существительное также встречается в контекстах, в которых речь идет о нарушении правильного или логичного мышления, некоего несовершенства познания: ...*obliquities in his opinions, obliquity of judgement, obliquities of mind. May the issue of such woful **obliquities** for the future, be like those last words of Mr. Cartwright* (ЕНВС, 1682, 371310130).

Для большей достоверности выводов мы также провели ручную обработку всех контекстов (всего 1006) из корпуса ЕНВС и расклассифицировали их по четырем основным значениям: 'corruption', 'corruption of logic', 'immoral', 'human nature'; и по основным типам дискурса: religious, law, science, general, philosophical. Отчасти получилась сходная картина с употреблением слова *pravity*. Наиболее частотным значением оказывается общее 'corruption' (646 — 64%) и 'immoral' (172 — 17%), что очень близко к распределению, что мы получили для *pravity*, а вот значения 'human nature' (60 — 6%) и 'corruption of logic' (105 — 10,4%) менее частотны. Также встречается и соединение 'corruption' + 'immoral' (23 — 2,3%) (рис. 5). Как мы и предполагали, доминирующим типом дискурса выбранного периода является религиозный (323 — 32%), далее следует общий дискурс — (255 — 25,4%), и на третьем месте по частотности находится научный дискурс (238 — 24%), где *obliquity* является явным математическим и астрономическим термином с четко очерченным значением. Также заметен философский дискурс (116 — 11,5%), тогда как юридический встречается существенно реже (74 — 7,4%) (рис. 6).

В целом картина распределения значений по типам дискурса для *obliquity* близка. GLM показала, что эффекты типа дискурса на используемые значения высоко достоверны ($F = 143,1$ $p < 0,001$) и выше, чем для *pravity*. Множественный коэффициент корреляции для смыслов находится на уровне $R = 0,61$; ошибки MS и SS остатков = 80,5 и 23,4, соответственно. Хуже других модель описывает использование смысла 'corruption of logic' (и 'human nature') — ошибка MS = 953,5 (845,1) против средней 80,5. Как и для *pravity*, чаще других используется значение 'corruption' (и его варианты), а другие значения используются реже, тем не менее есть различия в частоте значений по видам дискурса (табл. 1). Действительно, если в general 'corruption' встречается намного чаще, то в religious это не так. Религиозный дискурс характеризуется повышенной частотой значениями 'immoral', тогда как во всех остальных дискурсах это значение встречается эпизодически. Также в религиозном дискурсе намного чаще встречается 'human nature'. В *obliquity* в религиозном дискурсе несколько реже встречается значение 'human nature', чем это было показано для *pravity*.

Важным вопросом является степень метафоричности использования данных существительных. Использование *obliquity* заметно менее метафорично — 126 примеров из 1006, что значительно меньше, чем для *pravity*. Большая метафоричность характерна для религиозного и философского дискурсов, при этом научный дискурс практически неметафоричен. В *pravity* в религиозном дискурсе метафорич-

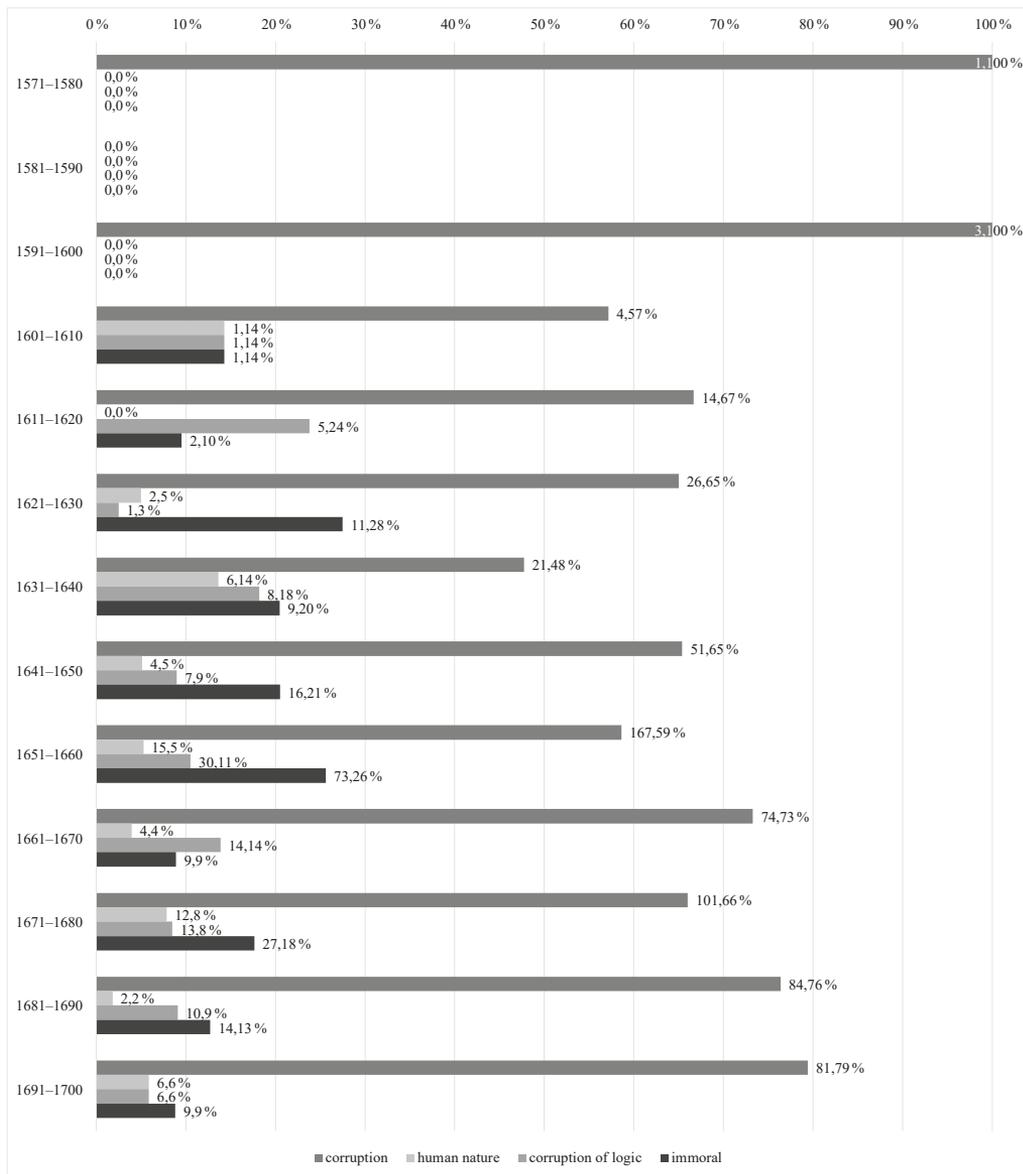

Рис. 5. Динамика значений *obliquity* в корпусе English Historical Book Collection в XVI–XVII вв. Рядом указаны общее количество контекстов и процент каждого из значений от общего количества контекстов в каждое десятилетие

ность была присуща всем значениям, а в философском — скорее только к значению ‘corruption’. При этом в *obliquity* в религиозном дискусе чаще метафоричным было значение ‘immoral’ и соединение ‘corruption’ + ‘immoral’. Также достаточно метафоричным оказалось и значение ‘corruption of logic’ (табл. 3).

Интересно, что в тесте Локка данное существительное употребляется всего один раз, в кульминации, когда он вводит систему законов: ...to judge of their *recti-*

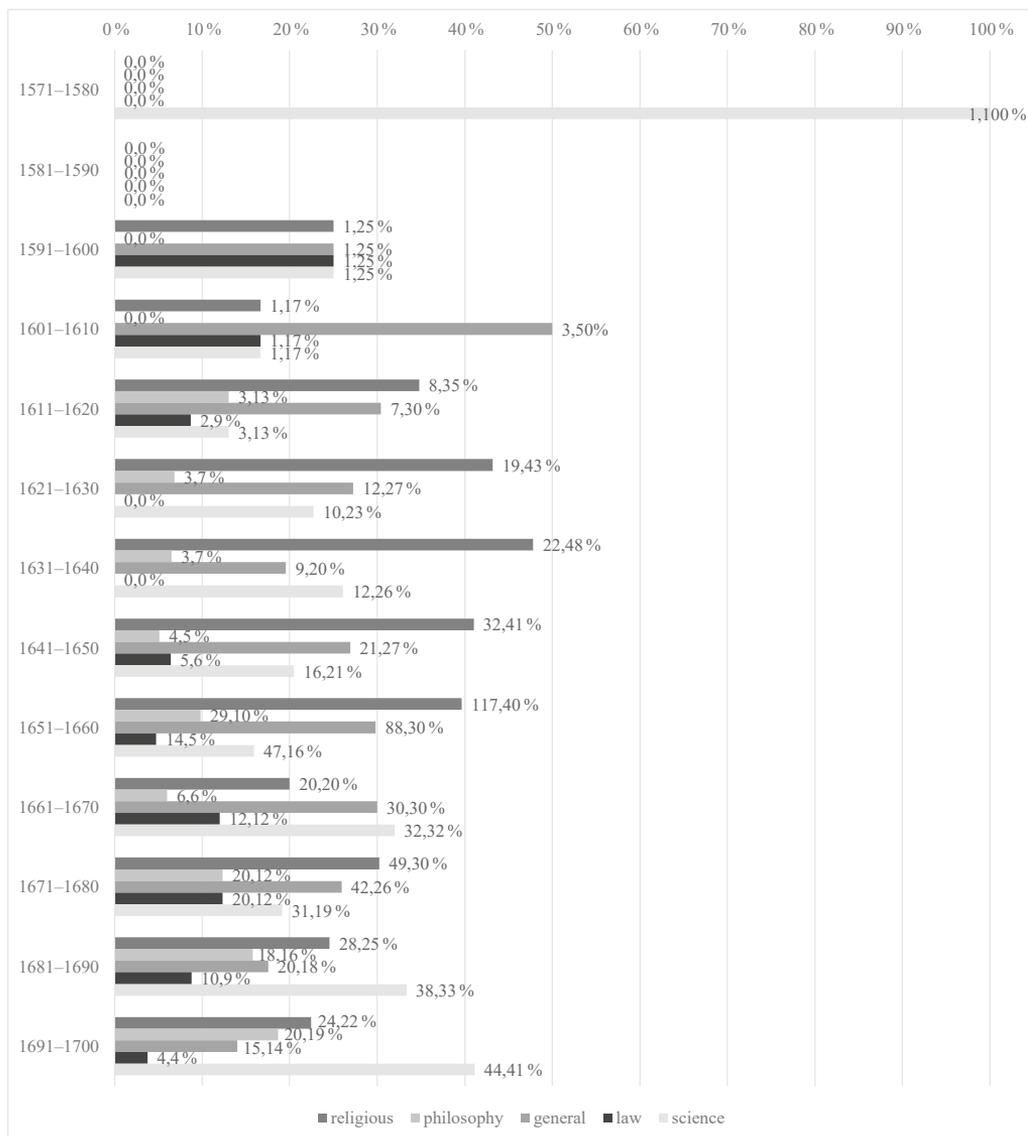

Рис. 6. Динамика типов дискурса, в которых используется *obliquity*, в корпусе English Historical Book Collection в XVI–XVII вв. Указаны общее количество контекстов и процент каждого из значений от общего количества контекстов в каждое десятилетие

tude or obliquity [Locke 2008: 336]. В работе теолога и философа Т. Бёрнета, отвечающей на текст Локка «Second Remarks upon the Essay Concerning Humane Understanding», также используется сочетание *rectitude* и *obliquity* в контексте обсуждения вопросов морали: *There is a rectitude and obliquity in actions as well as in Lines a congruity or incongruity* [Burnet 1697]. Последний пример примечателен не только тем, что автор ведет полемику с Локком, приводя собственные аргументы оснований и причин морали, используя те же ключевые слова, но и тем, что в научном фило-

Таблица 3. Распределение основных значений *obliquity* по типам дискурса и метафоричность (процент от общего количества контекстов указан в скобках)

Значение (но.)	Тип дискурса (no. of references)					
	Общий (255)	Религиозный (323)	Юридический (74)	Философский (116)	Научный (238)	Метафорические контексты, %
'corruption' (646)	189 (26)	110 (29)	67 (0)	45 (10)	235	10
'corruption of logic' (105)	45 (10)	8 (1)	2 (0)	47 (11)	3	21
'human nature' (60)	12 (3)	42 (6)	—	6 (0)	—	15
'immoral' (172)	8 (2)	146 (33)	5 (1)	13 (3)	—	23
'corruption + immoral' (23)	1 (0)	17 (9)	—	5 (2)	—	38
Метафорические контексты, %	16	24	1	22	0	—

софском тексте продолжается и развивается исходная метафорическая модель — в основе морали представление о прямой линии, и любое отклонение от морали есть ее противоположность.

Для того чтобы охарактеризовать, насколько общая метафоричность контекстов распределяется в целом для этих двух лексем, мы высчитали процент метафорических контекстов от общего количества употреблений *pravity* и *obliquity* в XVI–XVII вв. (рис. 7). Пик в 1600–1609 гг. объясняется тем, что в корпусе был всего один пример и он был именно с метафорическим употреблением. Заметно, что *obliquity* постепенно снижает процент метафорических контекстов, что, вероятнее всего, связано с его переходом в виде термина в область научного дискурса физики и астрономии, а *pravity* сохраняет сравнительно высокий метафорический потенциал, видимо, сохраняясь в религиозном дискурсе. В целом такие тенденции можно связать с предложенной Д. Гентнером и Б. Ф. Боудлом теорией карьеры метафоры [Gentner, Bowdle 2001]. В формировании метафоры на разных этапах ее эволюции могут преобладать процессы сравнения или категоризации, и постепенно происходит сдвиг в механизме обработки метафоры от обычного сравнения к категоризации, а сами метафоры приобретают все более условный характер с постепенной потерей метафоричности.

В целом можно сказать, что метафорическая модель нарушения физической прямоты играла важную роль на этапе формирования философского научного дискурса и осмысления тем, традиционно лежавших в области религии и религиозной этики. Проанализированные примеры также показали возможность совмещения нескольких метафорических моделей в одном контексте и их успешную интеграцию. Для изучаемого периода характерны следующие комплексы моделей: «прямота» vs «нарушение прямоты», «чистота» vs «грязь» (*pollution, unclean, dirt, uncleanness*), и метафорическая модель «свет» vs «тьма» (*light, darkness, enlight, candle*), где свет связывается с моральным поведением, а тьма ассоциируется с моральным отклонением. Опираясь на сделанные наблюдения, можно сказать, что возможно

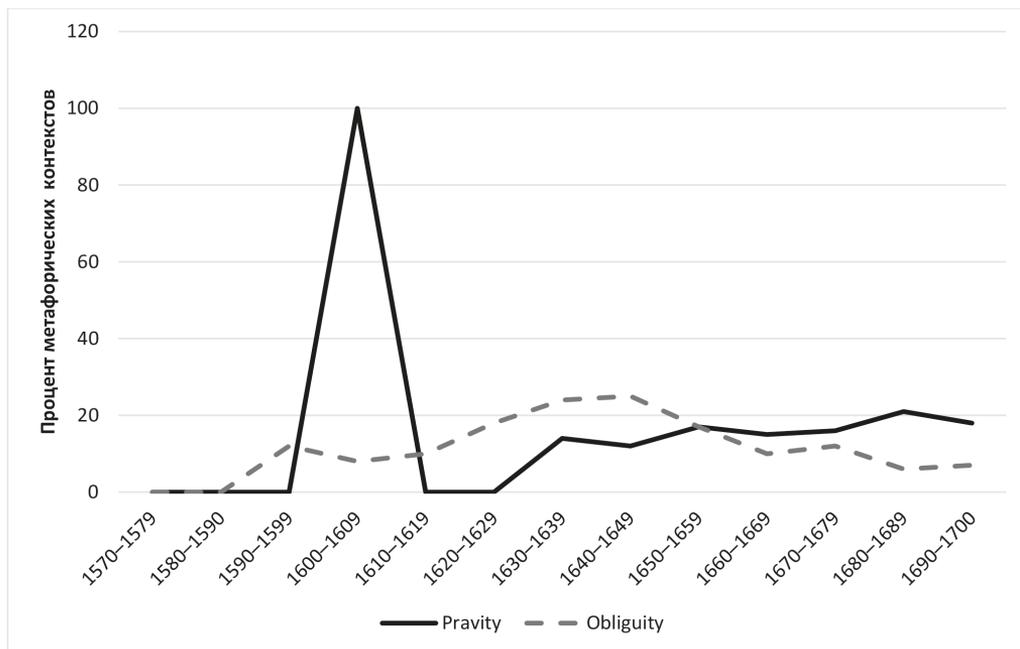

Рис. 7. Распределение метафорических контекстов *pravity* и *obliquity* в процентах от общего количества контекстов в XVI–XVII вв. по десятилетиям

соединение двух и не более моделей в одном контексте. Примеров, где последовательно происходило бы наложение трех и более моделей в одном контексте, в нашем корпусе обнаружено не было.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ показывает развитие вербализации представлений о нарушении морали в XV–XVII вв. — периоде значительных трансформаций самих религиозных представлений и переходе к философскому осмыслению проблем моральной оценки и моральной ответственности. Именно в это время формируется собственно философский научный язык. В процессе развития философского дискурса, происходит переосмысление и проблематизация понятий из других типов дискурса. В первую очередь, это религиозный дискурс, где вопросы морали поднимались часто и имели определяющее значение для формирования человека.

Согласно данным исследования с использованием корпуса English Historical Book Collection (EEBO, ECCO, Evans) и примеров из Google Books, ключевая метафорическая модель описания отклонений от морали — нарушение прямой линии, которое может быть выражено целым набором существительных, находящихся в оппозиции к понятию моральной добродетели — *rectitude*. Это *pravity*, обозначающее некое общее нарушение прямоты, нарушение порядка и правильности, и *obliquity*, обозначающее почти эллиптическое искривление или отклонение от прямой линии. Данные слова частично пересекаются в области семантики и употребления в английском языке XVI–XVII вв., что видно из анализа наиболее ха-

рактрных словосочетаний и основных значений. Однако более детальный анализ с применением методов корпусной лингвистики, ручной обработки большого количества примеров и методов статистической обработки данных (GLM) показывает также и различия.

Например, чаще всего во всех выделенных видах дискурса используется наиболее широкое значение 'corruption' (и его варианты), описывающее общее нарушение. Религиозный дискурс подразумевает самую широкую трактовку и достаточно сбалансированный набор всех значений. Тем не менее значение 'immoral' встречается достоверно чаще именно в этом типе дискурса, что определяется основной тематикой многих религиозных христианских текстов — мораль и моральная ответственность человека. Именно в религиозном дискурсе впервые поднимались вопросы морально-этического характера и ставились задачи определить меру моральной ответственности за поступки. Именно в этом дискурсе намного чаще встречается значение 'human nature', когда речь идет об исходном нарушении — первородном грехе — первопричине моральных отклонений и несовершенств. Общий и философский дискурсы также характеризуются широкой трактовкой, но, тем не менее, сильно преобладает смысл 'corruption', обозначающий нарушение без сильной моральной оценки или осуждения. В юридическом и научном также преобладает 'corruption'.

С точки зрения значимых корреляций между значением и дискурсом в *obliquity* получилась более явная связь между типом дискурса и значением; в *pravity* значения менее детерминированы. В *obliquity* в религиозном дискурсе реже встречается смысл 'human nature'.

Согласно результатам анализа, именно религиозный дискурс оказался наиболее метафоричен, что также логично, ибо непознаваемое лучше всего раскрывается через аналогию с понятным: «Религиозный язык, конечно, неизбежно метафоричен, поскольку невыразимого Бога можно описать только по аналогии с человеческими характеристиками» [Harley 1993: 397]. Вторым за ним следует философский дискурс, перенимая не только наиболее характерные терминологические единицы, основные темы и вопросы, но и метафорические модели. В *pravity* в религиозном дискурсе метафоричность присуща всем смыслам и значениям, а в философском — скорее только к значению 'corruption'. При этом в *obliquity* в религиозном дискурсе более метафоричным оказалось значение 'immoral'.

В связи с вышесказанным представляется, что у религиозного (сформированного в христианской традиции) и философского дискурсов много общего, что указывает на идеологическую, дискурсивную, метафорическую и терминологическую преемственность. Ведь абсолютно формализованного, рационального и универсального философского языка не существует, и метафора становится важным способом упаковки знания в противовес к двум другим типам дискурса — юридическому, требующему однозначности осуждения и наказания, и естественно-научному, рационализирующему божественные творения в физическом мире.

Наконец, важно отметить, что использование методов корпусной и, шире, компьютерной лингвистики, а также методов статистического анализа позволяет не только точно определить способы вербализации представлений о морали или ее отсутствия, но и подтвердить наиболее значимые корреляции между показателями значения, типа дискурса и метафоричностью.

Автор выражает благодарность А. Н. Шатайло за помощь с математической обработкой данных и Е. В. Есину (ИПЭЭ РАН, Москва) за консультации по статистическим методам.

Источники

- Августин 1905 — Августин А. О граде Божием. В кн.: Августин А. *Творения блаженного Августина*. 2-е изд. В 6 ч. Ч. 4. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1905.
- Burnet 1697 — Burnet T. *Second Remarks Upon an Essay Concerning Humane Understanding, in a Letter Address'd to the Author Being a Vindication of the First Remarks Against the Answer of Mr. Lock at the End of His Reply to the Lord Bishop of Worcester*. London: M. Wotton, 1697. https://www.google.ru/books/edition/Second_Remarks_Upon_An_Essay_Concerning/nIFxuQAACAAJ?hl=ru (дата обращения: 27.04.2023).
- Capel 1636 — Capel R. *Tentations, Their Nature, Danger, Cure*. London: R. Y. [i. e. Richard Young], 1636. https://books.google.ru/books/about/Tentations_their_nature_danger_cure.html?id=zKTfvwEACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 22.04.2023).
- Carleton 1610 — Carleton G. *Iurisdiction Regall, Episcopall, Papall. Wherein Is Declared How the Pope Hath Intruded Upon the Iurisdiction of Temporall Princes, and of the Church*. London: Impensis Iohannis Norton, 1610. https://www.google.ru/books/edition/Iurisdiction_Regall_Episcopall_Papall_Wh/fXJjAAAACAAJ?hl=en&gbpv=0 (дата обращения: 22.04.2023).
- Collinges 1678 — Collinges J. *Several Discourses Concerning the Actual Providence of God: Divided into Three Parts*. London: Tho. Parkhurst, 1678. https://books.google.ru/books?id=9wY8AQAAMAAJ&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 22.04.2023).
- Locke 2008 — Locke J. *An essay concerning human understanding*. New York.: Oxford University Press, 2008.
- Stoughton 1640 — Stoughton J. *Seaven Sermons preached upon severall occasions*. London: J. D., 1640. https://books.google.ru/books/about/Seaven_Sermons_preached_upon_severall_oc.html?id=wRzd5NkGGCMC&redir_esc=y (дата обращения: 22.04.2023).
- The Middle Way — *The Middle Way of Predetermination Asserted. Between the Dominicans and Jesuites, Calvinists and Arminians. Or, a Scriptural Enquiry into the Influence and Causation of God, in and unto Humane Actions; Especially Such as are Sinfull*. London: Thomas Parkhurst, 1679. https://www.google.ru/books/edition/The_Middle_Way_of_Predetermination_Asser/oYtmAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 22.04.2023).
- Ussher 1625 — Ussher J. *The Whole Works of the Most Rev. James Ussher, D. D.: With a Life of the Author*. Elrington Ch. R. (ed.). London: Hodges and Smith, 1625. https://books.google.je/books?id=8YdLAAAMAAJ&hl=it&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 22.04.2023).
- Wilkins 1655 — Wilkins J. *A Discourse Concerning the Gift of Prayer: Shewing what it Is, Wherin it Consists, and how Far it is Attainable by Industry, with Divers, Useful and Proper Directions to that Purpose, Both in Respect of Matter, Method, Expression*. London: T. M., 1655. https://books.google.ru/books?id=ows8AQAAMAAJ&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 22.04.2023).

Словари и справочные издания

- Бенвенист 1995 — Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Философский словарь — *Философский словарь*. 6-е изд. Фролов И. Т. (ред.). М.: Политиздат, 1991.
- ЕНВС — *English Historical Book Collection* (ЕЕВО, ЕССО, Evans). <https://www.sketchengine.eu/historical-collection-eebo-ecco-evans/> (дата обращения: 22.04.2023).
- Etymonline — *Etymonline: Online Etymology Dictionary*. <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 22.04.2023).
- OED — *Oxford English Dictionary*. <https://www.oed.com> (дата обращения: 22.04.2023).

Литература

- Апресян* 2006 — Апресян Р.Г.* Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка. *Историко-философский ежегодник*. М.: Наука, 2006. С. 132–152.
- Бахтин 2000 — Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского [1929]. В кн.: Бахтин М. М. *Собрание сочинений*. В 7 т. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
- Болдырев 2010 — Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания. *Когнитивные исследования языка*. 2010, (7): 45–59.
- Веккер 1998 — Веккер Л. М. *Психика и реальность. Единая теория психических процессов*. М.: Смысл, 1998.
- Галиева, Нагуманова 2016 — Галиева А. М., Нагуманова Э. Ф. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод. *Филология и человек*. 2016, (4): 39–50.
- Горбатков 2008 — Горбатков А. А. Исследование позитивно-негативной асимметрии эмоций на разных уровнях субъектного развития. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2008, 5 (2): 133–143.
- Захаров, Хохлова 2014 — Захаров В. П., Хохлова М. В. Выделение терминологических словосочетаний из специальных текстов на основе различных мер ассоциации. В сб.: *Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре*: сб. науч. ст.: тр. XVII Всерос. объедин. конф. «Интернет и современное общество» (IMS-2014), Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 290–293.
- Звада, Позняк 2016 — Звада О. В., Позняк Л. П. К вопросу языковых репрезентаций морального дискурса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016, (2): 176–181.
- Лакофф 1990 — Лакофф Дж. *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990.
- Николаева 2002 — Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы. *Вопросы языкознания*. 2002, (4): 25–41.
- Соколов 2011 — Соколов П. В. *Physica sacra Исаака Ньютона в контексте трактатов о «теории Земли»*: препринт WP6/2011/02 [Текст]. Савельева И. М. (ред.). Сер.: Гуманитарные исследования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- Шарапкина, Манерко 2022 — Шарапкина А. А., Манерко Л. А. Становление терминосистемы философии морали в трудах Дж. Локка: новаторство и дань традиции. *Научный диалог*. 2022, 11 (8): 92–120.
- Baumeister et al. 2001 — Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good. *Review of general psychology*. 2001, 5 (4): 323–370. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323>
- Campbell 1991 — Campbell D. T. A naturalistic theory of archaic moral orders. *Zygon*. 1991, 26 (1): 91–114. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1991.tb00804.x>
- Cavarero 2016 — Cavarero A. *Inclinations*. Stanford: Stanford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1515/9781503600416>
- Denham 2000 — Denham A. E. *Metaphor and moral experience*. Oxford: Oxford University Press, 2000. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198240105.001.0001>
- Douglas 1966 — Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of purity and Taboo*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Gentner, Bowdle 2001 — Gentner D., Bowdle B. F. Convention, Form, and Figurative Language Processing. *Metaphor and Symbol*. 2001, 16 (3): 223–247. https://doi.org/10.1207/S15327868MS1603&4_6
- Harley 1993 — Harley D. N. Medical metaphors in English moral theology, 1560–1660. *Journal of the history of medicine and allied sciences*. 1993, 48 (4): 396–435. <https://doi.org/10.1093/jhmas/48.4.396>
- Hill, Lewicki 2006 — Hill T., Lewicki P. *Statistics methods and applications*. StatSoft, Tulsa, OK. <http://www.statsoft.com/textbook/stathome.html> (дата обращения: 15.12.2023).
- Johnson 1996 — Johnson M. How moral psychology changes moral theory. In: *Mind and Morals: Essays on Cognitive Science and Ethics*. May L., Friedman M., Clark A. (eds). Cambridge: MIT Press, 1996. P. 45–68. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4621.003.0007>

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

- Kövecses 2005 — Kövecses Z. A broad view of cognitive linguistics. *Acta Linguistica Hungarica*. 2006, 52 (2–3): 135–172. <https://doi.org/10.1556/ALING.52.2005.2-3.2>
- Lakoff 1996 — Lakoff G. *Moral politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Lakoff, Johnson 2008 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: University of Chicago Press, 2008.
- Lizardo 2012 — Lizardo O. The conceptual bases of metaphors of dirt and cleanliness in moral and non-moral reasoning. *Cognitive Linguistics*. 2012, 23 (2): 367–393. <http://doi.org/10.1515/cog-2012-0011>
- McCullagh 2019 — McCullagh P. *Generalized linear models*. New York: Routledge, 2019.
- Pacilli et al. 2018 — Pacilli M. G., Pagliaro S., Spaccatini F., Giovannelli I. Straight to heaven: Rectitude as spatial representation of morality. *European Journal of Social Psychology*. 2018, 48 (5): 663–672. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2358>
- Rimell 2017 — Rimell V. Philosophy's Folds: Seneca, Cavarero, and the History of Rectitude. *Hypatia*. 2017, 32 (4): 768–783. <https://doi.org/10.1111/hypa.12361>
- Rychlý 2008 — Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score. *RASLAN*. 2008: 6–9.
- Sherry 1550 — Sherry R. *A Treatise of Schemes & Tropes*. London: J. Day, 1550. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12121.0001.001?view=toc> (дата обращения: 22.04.2023).
- Voorhees et al. 2018 — Voorhees B., Read D., Gabora L. The objectivity of moral norms is a top-down cultural construct. *Behavioral and Brain Sciences*. 2018, 41 (E116): 31–49. <https://doi.org/10.1017/S0140525X18000213>
- White 1997 — White P. R. R. Death, Disruption and the Moral Order: The Narrative Impulse in Mass-Media 'Hard News' Reporting. In: *Genres and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. Christie F., Martin J. R. (eds). London: Cassell, 1997. P. 101–133.
- Yu 2015 — Yu N. Metaphorical character of moral cognition: A comparative and decompositional analysis. *Metaphor and Symbol*. 2015, 30 (3): 163–183. <https://doi.org/10.1080/10926488.2015.1049500>
- Yu et al. 2016 — Yu N., Wang T., He Y. Spatial Subsystem of Moral Metaphors: A Cognitive Semantic Study. *Metaphor and Symbol*. 2016, 31 (4): 195–211. <https://doi.org/10.1080/10926488.2016.1223470>

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Anastasiia A. Sharapkova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
warapkova@mail.ru

Deviation from the directness of morality in the key conceptual metaphors of the 15th–17th centuries: From religion to philosophy (corpus and cognitive analysis)*

For citation: Sharapkova A. A. Deviation from the directness of morality in the key conceptual metaphors of the 15th–17th centuries: From religion to philosophy (corpus and cognitive analysis). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 478–507. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.213> (In Russian)

This paper explores the dynamics of how the conceptualizations of deviation from morally approved behaviour are verbalized through analysing the conceptual metaphor of deviation from straightness/straight line. The core metaphor for describing morality is a straight horizontal or vertical line, and violating morality can be represented by a deviation from it. However, the verbalization of the development of ideas about morality and moral responsibility on a rich historical material has not been previously analyzed linguistically. Two lexemes “pravity” and “obliquity” were chosen for the analysis; and their combinability, semantics, and

* The article is supported by the Russian Science Foundation grant no. 21-78-10044 “Phenomenon of moral responsibility”.

metaphoricity were examined on the extensive corpus of the 15th–17th century texts including Google books and English Historical Book Collection (1758 contexts in total). Studying the transitional periods in discursive strategies of describing morality as well as the development of certain types of discourse is of paramount importance. The paper aims to show how religious discourse has influenced philosophical discourse, not only at the level of the issues discussed like morality, moral responsibility, and moral judgment, but also at the level of language. The specificity of our approach is the combination of corpus and cognitive linguistic methods, in particular the study of metaphor. The statistical analysis with the general linear model (GLM) was carried out to verify the proposals made and to identify the degree of correlation between the type of meaning realized in each context and the type of discourse. The results show ideological, discursive, metaphorical, and terminological continuity between religious and philosophical discourse.

Keywords: morality, conceptual metaphor, corpus analysis, quantitative methods, philosophical and religious discourse.

References

- Апресян* 2006 — Apresian R. G.* Ethical Issues in J. Locke's "Essay Concerning Human Understanding". *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow: Nauka Publ., 2006. P. 132–152. (In Russian)
- Бахтин 2000 — Bakhtin M. M. The problems of Dostoevsky's works [1929]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii*. In 7 vols. Vol. 2: Problemy tvorchestva Dostoievskogo. Stat'i o Tolstom. Zapisi kursa lektsii po istorii russkoi literatury. Moscow: Russkie slovari Publ., 2000. P. 5–175. (In Russian)
- Болдырев 2010 — Boldyrev N. N. Categorical level of knowledge representation in language: Modus category of negation. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2010, (7): 45–59. (In Russian)
- Веккер 1998 — Vekker L. M. *Psyche and reality. Unified theory of mental processes*. Moscow: Smysl Publ., 1998. (In Russian)
- Галиева, Нагуманова 2016 — Galieva A. M., Nagumanova E. F. Metaphor in a philosophical text: The original and the translation. *Filologiya i chelovek*. 2016, (4): 39–50. (In Russian)
- Горбатков 2008 — Gorbatkov A. A. The study of positive-negative asymmetry of emotions at different levels of subjective development. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2008, 5 (2): 133–143. (In Russian)
- Захаров, Хохлова 2014 — Zakharov V. P., Khokhlova M. V. Selection of terminological phrases from special texts based on various measures of association. In: *Tekhnologii informatsionnogo obshchestva v nauke, obrazovanii i kul'ture: sbornik nauchnykh statei: trudy XVII Vserossiiskoi ob'edinennoi konferentsii "Internet i sovremennoe obshchestvo" (IMS-2014), Sankt-Peterburg, 19–20 noiabria 2014 g.* St. Petersburg, 2014. P. 290–293. <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/268/264> (accessed: 01.03.2022). (In Russian)
- Звада, Позняк 2016 — Zvada O. V., Pozniak L. P. On the question of linguistic representations of moral discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, (2): 176–181. (In Russian)
- Николаева 2002 — Nikolaeva T. M. "Hidden memory" of language: an attempt to pose the problem. *Vo-prosy iazykoznanii*. 2002, (4): 25–41. (In Russian)
- Лакофф 1990 — Lakoff G. *Theory of metaphor*. Moscow: Progress Publ., 1990. (In Russian)
- Соколов 2011 — Sokolov P. V. *Isaac Newton's Physica sacra in the context of Treatises on the "Theory of the Earth"*: preprint WP6/2011/02 [Text]. Saveleva I. M. (ed.). Ser.: Gumanitarnye issledovaniia. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2011. (In Russian)
- Шарапкова, Манерко 2022 — Sharapkova A. A., Manerko L. A. The formation of the terminological system of moral philosophy in the works of J. Locke: innovation and tradition. *Nauchnyi dialog*. 2022, 11 (8): 92–120. (In Russian)
- Baumeister et al. 2001 — Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good. *Review of general psychology*. 2001, 5 (4): 323–370. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323>

* Recognized as a foreign agent in the Russian Federation.

- Campbell 1991 — Campbell D. T. A naturalistic theory of archaic moral orders. *Zygon*. 1991, 26 (1): 91–114. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1991.tb00804.x>
- Cavarero 2016 — Cavarero A. *Inclinations*. Stanford: Stanford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1515/9781503600416>
- Denham 2000 — Denham A. E. *Metaphor and moral experience*. Oxford: Oxford University Press, 2000. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198240105.001.0001>
- Douglas 1966 — Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of purity and Taboo*. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Gentner, Bowdle 2001 — Gentner D., Bowdle B. F. Convention, Form, and Figurative Language Processing. *Metaphor and Symbol*. 2001, 16 (3): 223–247. https://doi.org/10.1207/S15327868MS1603&4_6
- Harley 1993 — Harley D. N. Medical metaphors in English moral theology, 1560–1660. *Journal of the history of medicine and allied sciences*. 1993, 48 (4): 396–435. <https://doi.org/10.1093/jhmas/48.4.396>
- Hill, Lewicki 2006 — Hill T., Lewicki P. *Statistics methods and applications*. StatSoft, Tulsa, OK. <http://www.statsoft.com/textbook/stathome.html> (дата обращения: 15.12.2023).
- Johnson 1996 — Johnson M. How moral psychology changes moral theory. In: *Mind and Morals: Essays on Cognitive Science and Ethics*. May L., Friedman M., Clark A. (eds). Cambridge: MIT Press, 1996. P. 45–68. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4621.003.0007>
- Kövecses 2005 — Kövecses Z. A broad view of cognitive linguistics. *Acta Linguistica Hungarica*. 2006, 52 (2–3): 135–172. <https://doi.org/10.1556/ALING.52.2005.2-3.2>
- Lakoff 1996 — Lakoff G. *Moral politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Lakoff, Johnson 2008 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: University of Chicago Press, 2008.
- Lizardo 2012 — Lizardo O. The conceptual bases of metaphors of dirt and cleanliness in moral and non-moral reasoning. *Cognitive Linguistics*. 2012, 23 (2): 367–393. <http://doi.org/10.1515/cog-2012-0011>
- McCullagh 2019 — McCullagh P. *Generalized linear models*. Routledge, 2019.
- Pacilli et al. 2018 — Pacilli M. G., Pagliaro S., Spaccatini F., Giovannelli I. Straight to heaven: Rectitude as spatial representation of morality. *European Journal of Social Psychology*. 2018, 48 (5): 663–672. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2358>
- Rimell 2017 — Rimell V. Philosophy's Folds: Seneca, Cavarero, and the History of Rectitude. *Hypatia*. 2017, 32 (4): 768–783. <https://doi.org/10.1111/hypa.12361>
- Rychlý 2008 — Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score. *RASLAN*. 2008: 6–9.
- Sherry 1550 — Sherry R. *A Treatise of Schemes & Tropes*. London: J. Day, 1550. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12121.0001.001?view=toc> (дата обращения: 22.04.2023).
- Voorhees et al. 2018 — Voorhees B., Read D., Gabora L. The objectivity of moral norms is a top-down cultural construct. *Behavioral and Brain Sciences*. 2018, 41 (E116): 31–49. <https://doi.org/10.1017/S0140525X18000213>
- White 1997 — White P. R. R. Death, Disruption and the Moral Order: The Narrative Impulse in Mass-Media 'Hard News' Reporting. In: *Genres and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. Christie F., Martin J. R. (eds). London: Cassell, 1997. P. 101–133.
- Yu 2015 — Yu N. Metaphorical character of moral cognition: A comparative and decompositional analysis. *Metaphor and Symbol*. 2015, 30 (3): 163–183. <https://doi.org/10.1080/10926488.2015.1049500>
- Yu et al. 2016 — Yu N., Wang T., He Y. Spatial Subsystem of Moral Metaphors: A Cognitive Semantic Study. *Metaphor and Symbol*. 2016, 31 (4): 195–211. <https://doi.org/10.1080/10926488.2016.1223470>

Received: April 22, 2023

Accepted: February 12, 2024